

ВСПОМИНАЯ ЛАВРЕНТЬЕВА...

1. Лаврентьевская закваска

Пятидесятые годы... Страна залечивала раны после тяжелой и разорительной войны. А ученые думали о том, как ускорить восстановление народного хозяйства, что нужно сделать для того, чтобы страна развивалась и процветала.

Михаил Алексеевич Лаврентьев, Сергей Алексеевич Христианович, Сергей Львович Соболев, очень много сделавшие для обороны страны во время войны, участвовавшие в создании атомного щита державы, выдвинули идею создания в Сибири крупного научного центра, в котором были бы объединены ученые, представляющие самую современную науку, которая, развиваясь сама, подтягивала бы за собой и отрасли народного хозяйства. Такими передовыми науками провозглашались математика, физика, химия, геология и т.д.

Несмотря на то, что уже в то время наука была неплохо представлена на периферии -- в Томске, Иркутске, Якутске, на Сахалине, других регионах, где действовали филиалы Академии наук, возглавляемые видными учеными, она все-таки носила скорее региональный характер и была недостаточна для развития ведущих дисциплин. Существовала объективная необходимость прорыва, поднятия этой науки до уровня союзной и мировой.

Совет Министров СССР одобрил предложения Лаврентьева и Христиановича. 18 мая 1957 года было принято Постановление "Об организации Сибирского отделения АН СССР". Но, конечно же, главную роль в принятии этого решения сыграл Никита Сергеевич Хрущев, который стал политическим организатором Сибирского отделения. Лаврентьев был знаком с Хрущевым еще со времени совместной работы на Украине и, имея возможность неоднократно с ним встречаться, сумел внушить генсеку мысль о создании научного центра в Сибири и зажечь его своей идеей.

Еще перед выходом постановления Лаврентьев вместе с Христиановичем отправились по Сибири, чтобы посмотреть, куда "посадить" этот центр, прибывающий извне. Сначала они побывали в Томске, где их встретили весьма неприветливо. Томичи полагали, что находятся уже на весьма высоком научном уровне, и что помощь столицы им не требуется, и если уж у государства имеются деньги, то пусть оно развивает их начинания. Следующим городом стал Иркутск, где отношение к идее тоже было хмурое. Там вообще недоумевали -- для чего это нужно? В Новосибирск приехали, уже готовясь к нерадостной встрече. Но здесь, вопреки ожиданиям, их встретил радушный прием руководства филиала Академии наук. Новосибирские ученые полностью поддержали идею, заверили, что окажут всемерную поддержку и даже стали торопить: чем быстрее будет создан научный центр, тем больше пользы! Это и решило вопрос о местонахождении Академгородка.

Нельзя не сказать и об общем настрое большой Академии, весьма ревниво отнесшейся к инициативе ученых, не понимавшей, для чего нужно увозить из Москвы лучшие кадры, недоумевавшей, почему нельзя руководить наукой из столицы? Не понимали Лаврентьева даже на уровне президента Академии наук. Говорилось: "Ну, привезите этих ученых, они сломаются и вернутся назад. Ничего у вас не получится!" Да и многие специалисты рассуждали так: "Зачем я туда поеду? Я живу на проспекте Ленина. Рядом -- академические учреждения. Если нужно с кем-либо встретиться, это можно легко сделать и на квартире, и в институте. А что будет в Сибири? Какой-то шатер?" На это Лаврентьев отвечал: "У нас будет именно такая обстановка, которая предусматривает взаимодействие наук. Причем, это взаимодействие "заложено" в сам проект, все будет расположено рядом, удобно".

Другие возражали:

-- У вас университета даже нет!

-- Будет университет!

-- Позвольте, как работать, если нет приличной библиотеки?

-- Будет библиотека! Одну из московских библиотек переместим в Сибирь!

И действительно, одна из самых крупных библиотек Москвы с огромным фондом научно-технической литературы перекочевала сюда, и ей приготовили прекрасное здание.

Выдвигался и такой довод: "Я-то согласен, но вот моя жена -- ни в какую!" Ответ следовал незамедлительно: "Ну, что ж, в Сибири много прекрасных женщин, и они смогут вам заменить несговорчивую супругу!"

Подбирая кадры, работая над организацией Отделения, Лаврентьев не хотел, чтобы новое дело превратилось в некую кампанию, действующую по принципу: пошумели -- и разошлись. Поэтому, встречаясь с претендентами, с теми, кто был согласен, ставил непереносимое условие: выезжать в Сибирь не временно, а на всю жизнь! И предупреждал коллег: тщательно посмотрите, не двигают ли людьми карьеристские цели? Нет ли таких, кто стремится показать себя в новом престижном деле, а затем удалиться в Москву? Поэтому он лично беседовал практически со всеми, в том числе -- и со мной. Знакомясь с моими вполне представительными анкетными данными, Михаил Алексеевич, спросил:

-- Вот вы уже семь лет руководите в Москве крупнейшим институтом, в котором трудятся три тысячи человек, занимаетесь важным делом по разработке открытых месторождений нефти. Что вас тянет в Сибирь? Ведь мы пока даже не определились с местом, где расположится центр, и ничего вам не обещаем.

Я отвечал, что для меня Сибирь не новинка, что детство я провел в Сибири, что, имея возможность изучить проблему, убедился: развитие нефтяной промышленности будет определяться именно Сибирью, что по натуре я -- разведчик, что с моей точки зрения этот регион сказочно богат. Эти слова очень вдохновили Михаила Алексеевича, хотя впоследствии он не раз упрекал меня на больших собраниях за неподтверждение прогнозов.

К счастью, через три года открытие свершилось -- в 1960 году забили первые нефтяные фонтаны!

Моменты экспедиции по Оби (Новосибирск--Сургут) 1964 года, в ходе которой академики М.Лаврентьев и А.Трофимук знакомились с состоянием работ по поискам нефти и газа на территории Западно-Сибирской низменности.

Позже, когда уже заработали институты, когда появился Городок, подбирать кадры стало легче. Появился авторитет Отделения, и мы уже сами могли выбирать очередную "жертву" для переезда сюда.

Основатель Сибирского отделения был человеком большого мужества. Достаточно сказать, что он решился в то время, когда биология и кибернетика подвергались гонениям, привлечь наиболее выдающихся и преследуемых ученых. С самого начала он предпочел не оглядываться на начальство, не убоился ссоры с ним, а шел вперед, сообразуясь с целесообразностью. Хотя многие считали, что на первых порах, дабы не загубить общее дело, следует быть осторожнее и осмотрительнее.

По этому поводу у него с Хрущевым неоднократно возникали напряженные моменты в отношениях. Хрущев был человеком крайних противоречий. В нем было столько же отрицательного, сколько и положительного. И здесь, помогая большому делу, поставив его с огромным размахом, способствуя расцвету наук, он с другой стороны, с такой же энергией и губил науку. Прославился тем, что топтал ученых, которые выходили на передовые рубежи современности, -- генетиков, биологов. Превозносил академика Лысенко и заявлял, что если того не изберут в члены Президиума, он вообще разгонит Академию. А у нас как раз и не было желаний избирать "Трофима". Не раз Хрущев кричал: "Я вас разгоню! Я лишу вас дополнительных оплат, всех привилегий! Академия нужна была Петру I, а нам она для чего?"

Хорошо помню многочисленные приезды Хрущева в Новосибирск. С одной стороны, он восхищался всем увиденным в Академгородке, с другой -- запрещал проекты, набрасывался на Лаврентьева: "Как вы посмели пригласить сюда вейсманистов-морганистов и даже организовать для них институт?" К каждому визиту Хрущева мы готовили экспозиции, выставки, отражающие достижения всех наших институтов. Экспозицию же биологов всегда держали под замком, чтобы лишний раз не напоминать о них, чтобы не вызывать гнев и раздражение высшего начальства. Попросят -- откроем, не вспомнят -- тем лучше. В свой последний приезд Никита Сергеевич привез с собой дочь Раду. Она, по специальности биолог, проявила интерес к экспозиции, внимательно ее посмотрела. А когда все приехали в геологический музей, Хрущев стал в очередной раз упрекать Лаврентьева: "Что же это вы держите у себя представителей буржуазной науки?" Рада, находившаяся рядом, услышала и неожиданно резко сказала: "Отец! Не на ту лошадь ставишь! Провалишься ты на этом! Я была там и все видела. Это самый современный уровень. Незаслуженно ты нападаешь на них". Все опешили... И сам Хрущев какое-то время был в замешательстве. А потом стал отшучиваться: "Видите, какие времена нынче настали! Как родная дочь со мной расправляется!" На этом инцидент был исчерпан, и больше никаких нападков в адрес биологов не последовало.

На первых порах строительство шло не так быстро и хорошо, как того хотелось бы, и это несмотря на большой поток финансовых и материальных средств. Приходилось то и дело сталкиваться с несправедливостью областного и городского партийного руководства, откровенным местничеством. Нам широким потоком шло оборудование, строительные и отделочные материалы, но во власти обкома партии было все это направить в другую сторону -- всем хотелось погреться у чужого костра. Это очень тревожило Михаила Алексеевича. Он пошел в обком и потребовал поставить под контроль все, что приходит в адрес научного центра. Секретарь обкома, предшественник Горячева, кажется, Кобелев, высокомерно и нагло заявил Лаврентьеву: "А ты кто такой? Ты расскажи, за что тебя сослали в Сибирь? Мы тебе это поможем вспомнить!" Но Лаврентьева не запугаешь. Стоило его тронуть -- просыпался вулкан! Он так напудрал партийному чиновнику за грубость, что тот тут же пожалел о сказанном. Чиновничий мир всегда обуян страхом. Стоит только дать чиновнику понять, что и на него найдется управа, как любая шишка превращается в ничтожество... После инцидента с обкомом Лаврентьев добился того, чтобы строительство осуществлялось через средмашевцев -- мощную, независимую и богатую организацию, которой местные не осмеливались командовать.

Основатель научного центра был человеком независимым. Его не раз приглашали стать членом бюро обкома КПСС. Но он оставался "оригиналом" и заявлял, что Новосибирск -- это еще не вся Сибирь. "Если я буду состоять здесь, то что же скажут секретари обкомов других регионов Сибири и Дальнего Востока? Я хотел бы быть объективным, чтобы вы на меня не давили, и я на вас не давил". Эта его четкая позиция, конечно же, вызывала недовольство: "Как, вы нам не доверяете?" Но он не поддавался, объясняя, что должен действовать в интересах всех регионов. И делал это.

Строительство шло успешно, царил дух подъема и энтузиазма. Был создан такой перспективный научный климат, когда каждый был готов взяться за любую задачу, --

лишь бы страна в ней нуждалась! Процветала атмосфера дружбы, творческого взаимодействия между науками. Михаил Алексеевич был человеком демократическим, доступным, но очень крутого и сильного характера. Он был нетерпим к людям чванливым и заносчивым. Его обожали и... боялись.

Перед Отделением Лаврентьев ставил три основополагающие задачи: первая -- развитие науки, вторая -- немедленное продвижение достижений науки в народное хозяйство, в промышленность, третья -- подготовка смены. Он учил нас не только провозглашать эти принципы, но и претворять их.

Просто удивительно, как быстро "сибирская глушь" преображалась, превращаясь в центр передовой науки. Сюда считали необходимым приезжать многие лидеры ведущих мировых держав. Приезжали и восхищались. Новосибирск гремел!

И сама Сибирь в целом начала стремительно развиваться благодаря открытию крупных месторождений, их разработке и освоению. Я порой думаю: что бы мы делали сейчас, если бы не было сибирской нефти, сибирского газа? Мы бы давно стояли на коленях перед Западом!

...Когда сняли Хрущева, начали подбираться и к Лаврентьеву как к его любимцу. Искали повод, чтобы быстрее от него избавиться. Стали очень пристально присматриваться к его здоровью и просто "выдавили" его. Лаврентьев согласился на отставку лишь после того, как получил заверения, что его пост займет его последователь и соратник Гурий Иванович Марчук. Но, конечно же, сам Михаил Алексеевич был очень огорчен преждевременной отставкой -- он мог бы еще лет пять как минимум энергично и блестяще руководить начатым им делом.

Лаврентьева не стало в 1980 году. Но школа его жива. И даже тот факт, что сейчас, в этих тяжелейших для ученых условиях Сибирское отделение не только выживает, но и живет, и двигает науку, говорит о том, что жива лаврентьевская закваска. Недаром сам президент большой Академии заявил, что ученые страны должны учиться у сибиряков. В настоящее время доля сибиряков в общем составе Академии составляет всего 20 процентов, но эта небольшая доля стоит остальных восьмидесяти!

Из книги "Мой Новосибирск", 1999 г.

2. "Остерегайтесь карьеристов!"

С академиком М.А.Лаврентьевым меня познакомил академик Сергей Алексеевич Христианович весной 1957 года.

С.А.Христианович, посещая нефтяные районы Урало-Поволжья, знал о моей шестнадцатилетней деятельности в Башкирии, о моей работе уже в Москве в качестве главного геолога Главнефтегазразведки, затем -- главного геолога Всесоюзного научно-исследовательского института по разработке крупных нефтяных месторождений, а в последнее время (с 1955 г.) -- директора этого Института. С 1953 г. я уже был членом-корреспондентом АН СССР. Тем не менее, этих данных -- вместе с блестящей характеристикой, данной мне С.А.Христиановичем, -- Лаврентьеву показалось недостаточно для приглашения меня в сотрудники будущего Сибирского отделения АН СССР. Более часа в беседе со мною Лаврентьев выяснял мотивы моего согласия работать в Отделении. Только убедившись в том, что работа в Сибири привлекает меня в связи с большими перспективами открытия здесь крупных месторождений нефти и газа, в чем я не сомневался, М.А.Лаврентьев признал меня своим соратником. И даже поручил мне подбирать кадры для нового крупного академического Института.

"Вот только как его назвать?" -- спросил М.А. Ответ у меня давно созрел: "Институт геологии и геофизики. Это будет первый в СССР институт такого профиля". Название М.А. понравилось, то ли потому, что и геология не может обойтись без физики, то ли

потому, что замышлялся неординарный, а комплексный институт, не имевший аналога. Скорее всего, понравилось ему и то, и другое.

Этим примером хочу подчеркнуть одну из главных черт Михаила Алексеевича -- умение тщательно подбирать кадры. При последующих встречах -- как в Президиуме АН СССР, так и на его подмосковной даче в Мозжинке, -- М.А. наставлял нас, первых организаторов будущих институтов: "Остерегайтесь карьеристов! Предпочтение отдавайте не тем, кто быстро соглашается работать в Сибирском отделении, а тем, кто прочно сидит на своем месте, всем обеспечен, но способен увлечься новым. Если руководитель легко отпускает своего ученика или подчиненного, то это скорее отрицательно характеризует избранника. Хорош тот специалист, за которого нужно бороться, который по убеждению готов включиться в новое дело".

Огромная работа Михаила Алексеевича по подбору и расстановке кадров дала свои плоды. За короткий срок Сибирь получила поистине созвездие ученых мирового уровня. В Новосибирском научном центре и других центрах, входящих в Сибирское отделение АН СССР, были широко представлены такие науки, как математика с вычислительными центрами, физика, современные химия и биология, раньше в Сибири практически не представленные, геология, геофизика, география, история, языковедение и др.

Лаврентьев умел привлекать, увлекать, заботиться и защищать от несправедливых нападков талантливых исследователей.

Известна история защиты современной биологии от несправедливых нападков даже главы государства. Другой пример -- защита члена-корреспондента Г.А.Хельквиста. Сибирское отделение поручило ему руководство Сахалинским комплексным научно-исследовательским институтом. Местные власти мало заботились об улучшении жилищно-бытовых условий сотрудников этого института. И вот когда они собственными силами завершили строительство 8-квартирного дома, первый секретарь Сахалинского обкома КПСС приказал Г.А.Хельквисту передать обкому две квартиры. За отказ выполнить это указание последовала суровая кара -- Г.А.Хельквисту предложили сдать обкому партийный билет.

В это время я случайно повстречался с Лаврентьевым в доме ЦК на Старой площади. После моего рассказа о судьбе Хельквиста Михаил Алексеевич ворвался в один из кабинетов, где имелся аппарат "ВЧ", быстро соединился с первым секретарем Сахалинского обкома, сообщил ему, что он находится в ЦК КПСС, знает о всех незаконных действиях обкома по отношению к Хельквисту и сейчас же идет докладывать об этом беззаконии руководству. Последовали извинительные оправдания, а затем твердое обещание снять все взыскания и даже упреки в адрес Хельквиста, немедленно вернуть ему партийный билет, а спорные квартиры передать сотрудникам Института.

"Кадры" для Лаврентьева не "проблема", а образ жизни. Он создал целую систему образования и воспитания смены.

По его инициативе появилась при Новосибирском университете физико-математическая школа (ФМШ), куда путем жесткого и многоступенчатого конкурса отбирались наиболее талантливые ученики средних школ, преимущественно из Сибири и Дальнего Востока. Выдержавшие двойной конкурс приглашались в Академгородок на летний отдых. Встречались с учеными, защищали фантастические проекты, решали головоломные задачи и т.д. Затем примерно половина гостивших детей зачислялась в ФМШ. Окончив ее, выпускники на равных, без каких-либо преимуществ, сдавали конкурсные экзамены в НГУ или другие высшие учебные заведения, по своему выбору. М.А.Лаврентьев говорил: "Михайло Ломоносов пешком добирался из Архангельской губернии в Москву, чтобы показать, защитить свои

способности, а мы специально отбираем талантливых ребят и даем им возможность стать Ломоносовыми".

Университет, принадлежавший Министерству высшего образования, в качестве базы для обучения, располагал более чем двадцатью научными учреждениями Сибирского отделения. Занятия со студентами вели "внештатники" -- ученые Сибирского отделения, от академика до кандидата наук. То есть, учили те, кто "делал" науку. Михаил Алексеевич любил повторять: "Нет ученых без учеников"; "Ученики должны превзойти своих учителей". Молодой НГУ, благодаря такой системе, смог успешно соревноваться в квалификации и зрелости со "старейшинами" -- Московским и Ленинградским университетами.

Лаврентьев не просто любил талантливых детей, -- он их обожал. Деньги, предназначенные на расширение Института гидродинамики, директором которого он был, по его указанию пошли на строительство специального здания для Клуба юных техников. Здесь под руководством опытных мастеров растили современных Кулибиных. Самые счастливые улыбки Михаила Алексеевича доставались тем, кто с шумом и грохотом на праздничных демонстрациях выкатывал на Морской проспект на самокатах собственного изготовления. И самые веселые занятия проводил президент СО АН с изобретательными ребятами -- творцами невероятных "научных" проектов.

Когда Лаврентьев добился передачи строительства Городка Министерству среднего машиностроения, ситуация резко улучшилась. Умелые, опытные и расторопные строители этого ведомства за короткий срок оптимизировали (по существу -- переделали) генеральный план Академгородка, перебросили из других районов Сибири сборные дома улучшенного типа и начали высокими темпами возводить Городок.

Тормозила строительство плохая дорога, связывающая миллионный город с будущим Городком. Лаврентьев добился переброски на новую трассу строителей, соорудивших дорогу в аэропорт Толмачево, и они за год построили отличную дорогу до Академгородка и благоустроили его улицы. Во время строительства Михаил Алексеевич "пропадал" у строителей. И он сам, и его ученики ежедневно встречались с рабочими, читали им лекции, рассказывали о значении будущих научных учреждений, вовлекали молодежь в вечерние кружки -- для подготовки к поступлению в Новосибирский университет.

За пять лет была закончена первая очередь Академгородка. Освоено около 100 млн рублей капитальных вложений. Выстроено 14 институтов, квартиры, школы, ясли и детсады, торговый центр, кинотеатр и пр.

Первым получил дом Институт гидродинамики. В готовом здании разместились семь институтов-квартирантов, а Институт гидродинамики занял лишь одну четвертую часть площади. Вообще Лаврентьев для избежания упреков в особой заботе о своем институте, намеренно консервировал его дальнейшее развитие, передавал средства на другие объекты, в частности, на строительство вновь создаваемых институтов. Даже после того, как многие институты уже были отстроены и в лучшем виде, чем первенцы, когда появилась возможность создать для "гидродинамиков" нужную им взрывную камеру, директор отправил эти средства на строительство КЮТа.

Его забота о справедливом распределении между институтами капиталовложений, оборудования, средств спланировала коллективы ученых, вдохновляла их на совместную творческую работу. Руководители научных учреждений были избавлены от борьбы за "лучшее место под солнцем". Высокое благородство всегда было свойственно Лаврентьеву.

Академики М.Лаврентьев и А.Трофимук во время поездки в Якутию (1972 г.). Знакомство с Якутской мерзлотной станцией. Председатель Якутского филиала СО АН Н.Черский представляет руководителям Отделения новую физическую экспериментальную установку.

В первые годы Михаил Алексеевич поощрял работы по договорам с отдельными предприятиями, затем возник проект постоянного (на длительной основе) участия многих институтов в сотрудничестве с самыми передовыми предприятиями города. Лаврентьев говорил, что на маленьких предприятиях с устаревшей технологией Академии делать нечего. Пусть там работают отраслевые институты. Предприятия же, где уже сейчас используется передовая техника, применяются высокопроизводительные технологии, -- вот достойное поле для апробации последних научных достижений, совокупность которых призвана качественно поднять технический уровень отрасли. Следующей ступенью, ускоряющей выход науки на производство, было создание по инициативе Лаврентьева пояса внедрения вокруг новосибирского Академгородка. Заинтересованные ведомства за свой счет и своими средствами создавали свои специальные конструкторские бюро, опытные производства. Научные учреждения поставляют работающие в виде макетов машины или технологии, которые КБ дорабатывают до "серийной" готовности. Реализация замысла дала неплохие результаты -- сроки внедрения некоторых важных изделий и технологий сократились вдвое. Но не все получилось так, как задумывалось. Ведомственные перегородки и ограничения тормозили процесс. Слишком много времени требуется на согласование даже простых вопросов. Нужна коррекция исходной модели.

Выездное заседание Президиума СО АН в Якутске ведет академик М.Лаврентьев; докладчик академик А.Трофимук. (1972 г.)

Действовали и комплексные межведомственные программы освоения крупных территорий Сибири. Накапливалась и анализировалась огромная информация, которая будет востребована еще не одним следующим поколением созидателей.

И еще не одно поколение сибиряков, надеюсь, будет произносить имя Михаила Алексеевича Лаврентьева с любовью и благодарностью.

3. "Сибирь плавает на нефти"

Лаврентьев -- не только крупнейший ученый, но и человек с сильным характером. Если он поверил в идею, он превращал ее в рычаг своей деятельности.

Вначале ведь очень мало, пожалуй, было людей, которые бы поддерживали идею создания Сибирского отделения, многие думали, что это дело временное -- пошумят-пошумят, да и кончится все на этом. Но Лаврентьев последовательно и решительно отстаивал свое дело, собирал и коллег, и представителей других научных школ, заботился о том, чтоб здесь были представлены главные отрасли современной науки. Все преграды -- и сопротивление, и скепсис, и нейтральное отношение -- были преодолены благодаря его исключительной настойчивости, его вере в идею, в справедливость начатого дела.

На одном из первых -- а, может быть, даже на первом -- собрании Сибирского отделения в Новосибирске я выступал с докладом, где утверждал, что Сибирь богата нефтью, что очень велики перспективы края в развитии нефтедобычи. Реплика Лаврентьева:

-- Хоть в пробирке покажите эту нефть, за которую агитируете!

Я не обиделся. Я понял это как призыв к тому, чтобы ускорить исследования, продемонстрировать сибирскую нефть не только в пробирках, а и в огромных резервуарах.

И когда это случилось, когда забил первый мощный фонтан сибирской нефти, то Михаил Алексеевич стал самым главным агитатором за скорейшее развитие нефтяной промышленности в Сибири. Именно Лаврентьеву принадлежит ставшее крылатым выражение -- "Сибирь плавает на нефти". Он в это поверил и, как мог, ратовал за новую -- нефтяную -- Сибирь.

Умел ли Михаил Алексеевич отдыхать -- в общепринятом смысле этого слова? Для меня, например, лучший отдых -- это охота, рыбалка. Я пытался его завлечь в такой отдых. Но он там просто скучал. Не знал, что делать, томился. Думаю, что самым лучшим отдыхом для него были те мгновения, когда проблескивало решение проблемы, которой он долго занимался, выявлялись новые возможности. В этом состоянии он и получал, по-видимому, ту разрядку, к которой люди стремятся на отдыхе.

1980 г.

Фото Р.Ахмерова, А.Степанова
и из архива СО РАН.

стр.